

УДК 331.104

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРЕКАРИАТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

О. В. Мраморнова, Н. А. Иванова, Ж. У. Абуова

Мраморнова Ольга Владимировна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика труда и производственных комплексов», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., o.mramornova@yandex.ru

Иванова Наталья Алексеевна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика труда и производственных комплексов», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., nata_naiv@mail.ru

Абуова Жемис Узакбаевна, аспирант кафедры «Экономика труда и производственных комплексов», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., o.mramornova@yandex.ru

Введение. Современные процессы формирования информационного общества, цифровая революция кардинальным образом изменяют характер и институциональную структуру социальных отношений, сложившуюся в период индустриального развития. Особенно остро эти процессы протекают в бывших советских республиках, переход к рыночным отношениям в которых дал дополнительный толчок развитию процессов прекаризации. **Теоретический анализ.** В статье проведен анализ теоретических подходов к определению понятий «прекариат», «прекаризация», осуществленный отечественными и зарубежными экономистами и социологами, определены причины данного явления. **Эмпирический анализ.** В процессе исследования были изучены научные публикации, материалы интернет-сайтов, данные статистических организаций РФ и Казахстана, характеризующие процессы прекаризации населения в обоих государствах. Было проведено социологическое исследование, охватившее 420 респондентов в обоих странах. Анализ научной литературы, статистических данных и результаты проведенного социологического исследования свидетельствуют о наличии процессов прекаризации населения в России и Казахстане, вместе с тем имеют место определенные различия. **Результаты исследования.** Сравнительный анализ процессов прекаризации населения в Российской Федерации и Республике Казахстан выявил объективные причины и формы его проявления в данных государствах, обусловленные культурологическими особенностями двух государств. Выявлено, что интенсивность процессов прекаризации в Казахстане несколько ниже, чем в России – ниже доля работников, условия труда которых не соответствуют санитарно-гигиеническим нормам, неформальная занятость имеет тенденцию к сокращению. Опрос наемных работников в Республике Казахстан не выявил фактов оплаты труда «в конвертах».

Ключевые слова: прекариат, прекаризация, социальная нестабильность, глобализация, неформальная занятость.

DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-259-266

Введение

В последние годы феномен прекаризации приобрел всеобъемлющий характер и стал важным явлением современного рынка труда и общества в целом. На рынке труда наблюдается тенденция к увеличению численности трудовых ресурсов, вынужденных соглашаться на временную трудовую деятельность или условия неполной занятости без каких-либо социальных гарантий.

Особенно остро эти процессы протекают в бывших советских республиках, переход к рыночным отношениям в которых дал дополнительный толчок развитию процессов прекаризации – началу гендерной дискриминации, молодежной безработице, феномену «работающих бедных», гигантской подоходной дифференциации, ослаблению социальных лифтов в силу сформировавшейся в переходный период жесткой социальной структуры и др. Проблемы прекаризации населения, формирование прекариата как нового социального класса достаточно активно исследуются в мировой экономической и социологической литературе. Вместе с тем целесообразным является компаративный анализ данных процессов в различных странах, выявление их специфики, обусловленной культурологическими и другими особенностями государств.

Теоретический анализ

Значительное количество работ, имеющих в мировой экономической и социологической литературе, дают подробное описание содержания понятий «прекариат», «прекаризация», «социальная прекаризация», «неустойчивая занятость» и др. [1–6].

Термин «прекариат» ввел в научный оборот французский социолог П. Бурдьё в 1980-е гг., исследуя положение сезонных рабочих, характеризовавшееся нестабильностью занятости, отсутствием гарантированных социальных благ, незащищенностью в период сложных жизненных ситуаций. Прекариат – это принципиально новое образование, означающее наличие социального слоя, который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества. Это значительные социальные группы, испытывающие особые, изолированные формы

эксплуатации их труда, их знаний, квалификации, а в конечном счете и качества жизни. Эти группы образуют достаточно значительный слой во многих странах мира, достигая от 30 до 40% численности трудоспособного населения [3].

Термин «прекаризация» означает объективный процесс формирования определенного социального слоя (прекариата) за счет перераспределения сложившихся ранее социально-демографических страт экономически активного населения на основе постепенного вытеснения стандартизированных форм занятости различными нетипичными, нестандартизированными [7]. Также этот термин трактуется как опасный процесс распространения социальной ситуации прекариата на все более широкие слои общества, меняющий его облик как целого [5].

Формы прекариата в современной России исследуются многими авторами – Ж. Т. Тощенко, Р. П. Колосовой, Т. О. Разумовой и др. [3, 5].

В работах многих экономистов процессы прекаризации населения рассматриваются в аспекте постиндустриальных трансформаций отношений занятости и рынка труда. Генезис и эволюция понятия «неустойчивая занятость» раскрыты в работах В. Н. Бобкова, В. Г. Квачева, Н. В. Локтюхиной, М. Риччери [4, 8]. А. Э. Федорова, В. С. Каташинских, З. Дворжакова рассматривают прекаризацию социально-трудовых отношений в аспекте проблемы социального загрязнения [2].

В западных источниках описываются чрезвычайно разнообразные формы социальной нестабильности (прекаризованности), наблюдающиеся в различных странах в условиях глобализации. Для ее характеристики используются, например, такие понятия, как «гибкая жизнь», «неустойчивая субъективность», «гибкий город», «город как место повышенной неуверенности» и др. [9]. Отмечается, что неолиберальной глобализация создала институционально внедренную прекаризацию труда, средств к существованию и гражданственности [10]. Мы разделяем такой подход, рассматривающий прекаризацию как социальное явление, охватывающее не только социально-трудовую сферу, но и общество в целом, т.е. как «социальную прекаризацию».

Возникновение прекариата (от англ. *precarious* – ненадежный) как нового мирового социально-экономического феномена рассматривается зарубежными исследователями как негативное последствие осуществления правительствами экономически развитых стран неолиберальной модели, заключающейся в необходимости обеспечения максимальной рыночной конкурентоспособности посредством, прежде всего, обеспечения гибкости рынка труда [1]. Гибкость

рынка труда означает гибкость заработной платы, гибкость занятости, гибкость должностей. Но достижение этих целей привело к усилению незащищенности работников. Процесс глобализации способствовал быстрому распространению прекариата в различных странах. Мы разделяем точку зрения Р. П. Колосовой и Т. О. Разумовой, согласно которой предопределяющим фактором формирования прекариата является резкое изменение тактики и стратегии менеджмента, требующего от работающих по найму все больших и больших жертв [5].

Истоки становления прекариата в России, восходящие к 1990-м гг. – началу рыночных преобразований, критерии идентификации прекариата, факторы, способствующие «попаданию» в прекаризованные группы трудящихся, исследованы О. И. Шкаратаном, В. В. Карачаровским, Е. Н. Гасюковой [6]. В этой работе определен слой занятых, который может быть идентифицирован как прекариат по разработанным авторами критериям: срок контракта, природа трудовых отношений, неустойчивость условий труда. Авторами сделан вывод о том, что слой прекариата не имеет тенденции к росту (к 2014 г.), вместе с тем к этой группе отнесены 27% трудоспособного населения.

Возникновение прекариата означало появление нового серьезного негативного тренда мирового развития, диаметрально противоположного тому, который констатировался в последние десятилетия как закономерное следствие неоиндустриальной трансформации – социализации экономики, проявляющейся в усилении социальной ориентированности экономического развития [11, с. 84]. Возникновение прекариата означало кардинальное изменение форм занятости и трудовой мобильности, стирающими границы между рабочим местом, домом и общественными местами, развитие новых, нетипичных для индустриальной эпохи, форм занятости, приводящих к значительной дифференциации занятых, образованию первичного и вторичного рынков труда. При этом последний характеризуется плохими условиями труда и отсутствием каких-либо гарантий занятости. Причем масштабы вторичного рынка труда значительно расширяются во всех развитых странах. Так, в странах ЕС доля работников, трудящихся в условиях неполной занятости, в возрастной группе 20–64 лет увеличилась с 16,5% в 2005 г. до 19,0% в 2015 г. В 2016 г. этот показатель составил 18,9% [12].

Целью данной работы является анализ генезиса и развития процесса прекаризации в Российской Федерации и Республике Казахстан. Авторами проведен анализ научной литературы и статистических данных, характеризующих

динамику данного процесса в РФ и Саратовской области, Республике Казахстан и Западно-Казахстанской области. Проведено социологическое исследование в Саратовской области (Россия) и Западно-Казахстанской области (Казахстан), охватившее 420 респондентов. Использован инструментарий [2].

Эмпирический анализ

Одним из критериев социальной прекаризации является неустойчивая занятость в ее

различных формах. В 2015 г. около 950,4 тыс. человек в РФ трудились на условиях неустойчивой занятости (временная или частичная работа) [13]. В Саратовской области в режиме неполного рабочего времени по инициативе работодателя и по соглашению между работником и работодателем работали 19 509 человек (1,7% занятых) [14]. Динамика занятости населения в режиме неполного рабочего времени в 2015 г. в России по видам экономической деятельности представлена в таблице.

Численность работников организаций, работавших неполное рабочее время в РФ в 2015 г. по видам экономической деятельности, тыс. чел. [13]

Persons working part-time in Russia in 2015, thousand people [13]

Вид экономической деятельности	Численность работников организаций			
	работавших неполное рабочее время по инициативе работодателя	работавших неполное рабочее время по соглашению между работником и работодателем	находившихся в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника	которым были предоставлены отпуска без сохранения заработной платы по заявлению работника
Всего	133,1	719,3	245,8	2503,6
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3,0	10,1	1,4	72,5
Добыча полезных ископаемых	2,6	3,6	8,1	58,6
Обрабатывающие производства	95,1	98,3	200,6	891,6
Строительство	5,7	11,3	7,2	174,8
Транспорт и связь	8,1	94,3	9,6	246,8
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	6,9	79,9	3,5	205,2
Образование	3,2	177,0	4,7	175,7

Данные таблицы свидетельствуют о наличии значительного числа граждан, работавших в режиме неполного рабочего времени. Можно заключить, что работники обрабатывающих производств пострадали в большей степени, чем занятые в других сферах.

Неформальная занятость как самостоятельный сегмент отечественного рынка труда в значительной степени оказывает влияние на социально-экономическое положение и уровень занятости в стране.

Численность занятых в неформальном секторе экономики в РФ в 2010 г. составила 13 490 тыс. человек (19,5%). В 2015 г. данный показатель составил 14 827 тыс. человек (20,5%). В Саратовской области в неформальном секторе в 2010 г. были заняты 324 тыс. человек (26,3%), в 2015 г. – 331 тыс. человек (27, 6%) [14].

Важным критерием прекаризации трудовых отношений является наличие и доля работников,

условия труда которых не отвечают санитарно-гигиеническим нормам. Так, в России в 2015 г. удельный вес работников, занятых во вредных и (или) опасных условиях труда, составил: в добыче полезных ископаемых – 57,1%; в обрабатывающих производствах – 41,1%; в строительстве – 35,6%; на транспорте – 33,9%. Пострадали при несчастных случаях на производстве (в том числе и со смертельным исходом) 28 000 человек, погибли 1288 работников. В 2016 г. 27 000 человек пострадали и 1290 погибли [15, с. 110].

Безработица, по мнению авторов, также является критерием социальной прекаризации. Современная ситуация в России характеризуется высоким уровнем молодежной безработицы. Молодежь на рынке труда, а также лица предпенсионного возраста – наиболее уязвимые социальные группы. В 2016 г. наибольший удельный вес – 19,1% безработных – приходился на

возрастную группу 20–24 года; 16,5% составляли лица в возрасте 25–29 лет. Таким образом, около 36,0% безработных – это люди в возрасте до 30 лет (20–29 лет). В возрастной группе 50–54 года уровень безработицы составил 9,8% [15, с. 107].

В Саратовской области в сентябре 2017 г. уровень регистрируемой безработицы составил 0,9% (по России – 1,0 %) [14]. Уровень безработицы в областном центре ниже на 0,3%, чем в среднем по области. Риски безработицы в области, как и в целом по стране, в значительно большей степени относятся к сельскому населению и населению малых городов.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о наличии прекаризационных процессов в России и ее регионах и о неравномерном риске «попадания» в ряды прекаризированных групп в зависимости от сферы деятельности, возраста, пола, региона проживания.

Переходя к анализу тенденций прекаризации в Республике Казахстан, можно отметить, что в советское время в Казахстане, как и в других советских республиках, отсутствовали данные процессы. Проблемы социальной нестабильности появились с началом рыночных трансформаций. Если в 1991 г. экономически активное население Казахстана насчитывало чуть менее 8 млн человек, то к началу XXI в. оно сократилось почти на миллион человек (до 7,1 млн).

В Казахстане в постсоветский период широкое распространение получила самозанятость населения, которая в разные периоды времени достигала более 43% (2000 г.) всего работающего населения страны. Самозанятые работники – это наиболее неформализованный слой населения. Неустойчивость социального положения этой категории позволяет отнести ее к прекариату. В Республике Казахстан самозанятые в подавляющем большинстве – это сельскохозяйственные товаропроизводители, имеющие, как правило, среднее или среднеспециальное образование и находящиеся в трудоспособном возрасте. На статистическом учете в Казахстане в 2013 г. в качестве самозанятых находились 2,7 млн чел., из этого числа 850 тыс. чел. зарегистрированы в городах (32%), в сельской местности – 1,9 млн чел. (68%) [16]. Для сравнения: в развитых странах, таких как США, Франция, Германия, Австралия и Великобритания, доля самозанятых в этот период составила 7,1–13,6%. В структуре самозанятого населения преобладают мужчины – их численность в 1,2 раза выше женщин [16]. Однако важно отметить и положительные тенденции. Так, в 2017 г. количество самозанятых, которые в значительной части являются неформально занятыми, составило в

республике 2,2 млн человек. При этом численность неформально занятого населения в РК за 2016 г. сократилась на 20% [17].

Уровень безработицы в РК в 2016 г. составлял 5%. Численность безработных мужчин – 200,3 тыс. чел. (44,8%), женщин – 247,1 тыс. чел. (55,2%). В общем количестве безработных граждан удельный вес молодых людей в возрасте 15–24 года составил 10,2%, в возрасте 15–28 лет – 21,4%. В 2016 г. 12,6% работников работали в неблагоприятных или опасных условиях труда (в 2015 г. таких работников было 10%) [17].

Существенной проблемой Республики Казахстан является проблема гендерного неравенства. Женщины ощущают откровенную дискриминацию по признаку пола. Профессии по-прежнему подразделяются на «мужские» и «женские». Традиционно женскими считаются профессии учителя, медицинской сестры, даже врача, требующие широких знаний и характеризующиеся высокой общественной значимостью. Однако уровень оплаты труда представителей этих профессий чрезвычайно низок [18, с. 24].

Еще одной важной проблемой, характеризующей процессы прекаризации населения Казахстана, является интеграция иммигрантов-оралманов (этнических казахов, переселяющихся в Казахстан из соседних стран – Узбекистана, Китая и др.) в казахстанское общество. Переехавшие семьи испытывают трудности с трудоустройством, жильем и т.д. из-за недостаточного знания казахского языка, низкой квалификации и др.

Проблема прекаризации касается также населения моногородов, где проживает 16,8% городского населения. Потеря работы влечет потерю идентичности, развитие у безработных недоверия, усталости, равнодушия, депрессии, страха. Проблема моногородов, по мнению казахских авторов, – это не проблема отдельно взятого региона, а вопрос существования Казахстана как цивилизованного государства [19].

В Казахстане существуют формы социальной поддержки отдельных групп населения, таких как оралманы, молодежь, жители моногородов и др. Вместе с тем прекаризация как общемировая проблема остается острой в Республике Казахстан. Распространение процессов социальной и трудовой прекаризации в России и Казахстане в целом соответствует общемировым тенденциям. Проведенное авторами в 2017 г. социологическое исследование, направленное на изучение трудовых отношений и их динамики в организациях, подтверждает справедливость этого вывода. В опросе приняли участие 420 респондентов, работающих на условиях

найма, граждане РФ (Саратовская область (N = 210)) и Республики Казахстан (Западно-Казахстанская область (N = 210)).

Результаты исследования показали, что среди российских респондентов доля занятых на постоянной основе (по бессрочным договорам) составила около 44,0%; 43,0% имеют срочные трудовые договора. Около 4,5% респондентов не имеют формального статуса наемного работника (работают без оформления письменного договора), в таких условиях работодатель фактически снимает с себя ответственность за обеспечение надлежащих условий труда и соблюдение гарантированных трудовым законодательством прав.

Одной из наиболее острых проблем прекаризации трудовых отношений на предприятиях России является использование практики теневых выплат. Так, 60,0% респондентов в Саратовской области утверждали, что оплата труда в полном объеме (100%) переводится на счет в банке. Однако четвертая часть опрошенных работников отметили, что доля теневых выплат составляет более половины их заработной платы. 6,6% респондентов утверждали, что их заработная плата выплачивается в «конвертах»; 8,5% отметили, что большая часть заработка переводится на карту, а оставшаяся часть выдается «в конверте». Проведенное исследование показало также, что доля теневых выплат коррелирует с формой собственности организации, отраслевой принадлежностью, размером предприятий. Как показал опрос, в зону повышенного риска попадают работники предприятий торговли и общественного питания, малого и среднего бизнеса, реже – работающие на крупных предприятиях.

Большинство респондентов (66,7%) отрицательно ответили на вопрос о нарушении договоренностей со стороны работодателя. Об имеющихся нарушениях заявил только каждый четвертый участник опроса. 54,8% респондентов отметили, что в последнее время типичными нарушениями договоренностей явились необоснованное снижение размера заработной платы и увеличение объема работ без повышения заработка; 14,9% опрошенных указали на невыплату дополнительного вознаграждения за сверхурочную работу, из них 4,3% пожаловались на задержку заработной платы; 2,9% респондентов отметили, что им не были предоставлены положенные отпуска; около 2,0% столкнулись с незаконным увольнением.

Результаты исследования источников беспоконности и негативных эмоций на текущей работе показали, что подавляющее большинство – более 63,0% наемных работников – главной негативной характеристикой своей работы считают высокий

уровень стресса на рабочем месте и слишком высокую напряженность работы, 21,5% – отсутствие или плохое взаимодействие с руководителем, 15,6% указали на некомфортные условия на рабочем месте и ненормированный рабочий день. Подобное распределение оценок свидетельствует об интенсификации труда работников в современных условиях, усилении их незащищенности в трудовой сфере.

Обращают на себя внимание существенные различия в ответах респондентов на вопросы анкеты в России и Казахстане. Все казахские респонденты отметили, что получают заработную плату на свой зарплатный счет в банке (банковскую карту). Существенным различием является также срок трудового договора у российских и казахских работников: у первых, как правило, преобладает бессрочный трудовой договор, у вторых он в настоящее время заключается на 1 год и реже – на 0,5 года.

Если российские респонденты чаще (66,7% случаев) отмечают, что нарушений договоренностей со стороны работодателя не было, то казахские такие нарушения отмечают в 63,5% случаев. К таким нарушениям они относят в большинстве случаев незаконное увольнение – 55,5%.

Результаты опроса в России показали высокий уровень патернализма в организациях, проявляющегося в значительном влиянии неформальных институтов. Так, россияне в большинстве случаев (66,7%) не отмечают нарушений договоренностей со стороны руководства, даже при работе на условиях неформальной занятости.

Серьезные расхождения наблюдаются и в ответах на вопрос, касающийся изменений в кадровой политике организации за последний год. Если у российских респондентов наблюдается существенный разброс ответов: массовое сокращение численности работников – 24,8%, постоянное сокращение работников каждые 3–6 месяцев – 26,2%, прием на работу новых работников только на короткий период (от 1 до 6 месяцев) – 6,2% и другие, то у казахских превалирует вариант ответа «Прием на работу новых работников только на короткий период (от 1 до 6 месяцев)» – 53,0% ответов респондентов.

Результаты исследования

Социальная прекаризация представляет собой одну из глобальных проблем современного общества, создающую негативные эффекты экономического, социокультурного и политического характера.

Характерными чертами прекариальных отношений, понимаемых в широком смысле, являются: отсутствие стабильной занятости

(трудовые отношения могут быть расторгнуты работодателем в любое время); гарантий и защищенности; профессиональной идентичности; низкий уровень и задержки в выплате заработной платы; безработица; отсутствие жизненных перспектив; жесткость социальных лифтов и др. Процессы прекаризации существенно трансформируют социальные отношения как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстан.

В ходе проведенного опроса многие работники как в России, так и в Казахстане отметили высокий уровень напряженности труда и стресса на рабочем месте, ненормированный рабочий день, необходимость работать сверхурочно (как с оплатой, так и без нее). Многие работники опасаются ухудшения своего здоровья на рабочем месте. Таким образом, мы можем констатировать наличие прекаризационных процессов в Российской Федерации и Республике Казахстан как в сфере труда, так и в обществе в целом. Вместе с тем имеют место некоторые различия, обусловленные культурологическими факторами. В России мы констатируем все еще сохраняющуюся значительную долю патерналистских отношений между работодателями и работниками даже в условиях неформальной занятости. В Казахстане наблюдается несколько лучший инфорсмент трудового законодательства – результаты опроса не показали теневых выплат, доля неформально занятых имеет тенденцию к снижению, ниже процент работников, условия труда которых характеризуются тяжестью и вредностью. Вместе с тем существуют проблемы прекаризации определенных групп населения – оралманов, женщин, молодежи.

Список литературы

1. Стэндинг Г. Прекариат : новый опасный класс. М., 2014. 327 с.
2. Федорова А. Э., Каташинских В. С., Дворжакова З. Прекаризация трудовых отношений как фактор социального загрязнения // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 3. С. 802–814.
3. Тощенко Ж. Т. Прекариат – новое явление на рынке труда // Ядовские чтения : перспективы социологии : сб. науч. докл. конф. (Санкт-Петербург, 14–16 декабря 2015 г.) / под ред. О. Б. Божкова, С. С. Ярошенко, В. Ю. Бочарова. СПб., 2016. С. 182–191.
4. Бобков В. Н., Квачев В. Г., Локтюхина Н. В. Неустойчивая занятость : экономико-социологический генезис понятия // Вестн. ВГУ. Сер. Экономика и управление. 2016. № 4. С. 81–86.
5. Колосова П. П., Разумова Т. О. Неустойчивость занятости : введение в анализ // Альтернативы экономической политики в условиях замедления экономического роста : сб. ст. / под ред. А. А. Аузана, В. В. Герасименко. М., 2015. С. 559–569.
6. Шкартан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н. Прекариат : теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социс. 2015. № 12 (380). С. 99–110.
7. Маслова Е. В. Прекариат как проявление нестандартной занятости и его особенности (на примере Воронежской области) // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Экономика. 2016. № 3. С. 201–208.
8. Риччери М. Социальная прекаризация и устойчивое развитие. Размышления на тему опасных противоречий // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1 (195). С. 3–37.
9. Ferreri M., Dawson G., Vasudevan A. Living precariously : property guardianship and the flexible city // Transactions of Institute of British Geographers. June 2017. Vol. 42, iss. 2. P. 246–259.
10. Alonso L. E., Rodrigues C. J. An Introduction to the Special Issue. Politics of Precarity : Migrant Conditions, Struggles and Experiences // Empiria. May–August 2017. Iss. 37. P. 155–178.
11. Зимица Т. Собственность работников и структурная трансформация // Экономист. 2016. № 5. С. 83–87.
12. Eurostat : [сайт]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=tps00159&language=en> (дата обращения: 22.10.2017).
13. Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/rab_sila16.pdf (дата обращения: 10.09.2017).
14. Министерство занятости, труда и миграции Саратовской области : [сайт]. URL: http://www.mintrud.saratov.gov.ru/analytical/employment/index.php?SECTION_ID=95 (дата обращения: 25.09.2017).
15. Россия в цифрах. 2017 : крат. стат. сб. / Росстат. М., 2017. 512 с.
16. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: <http://www.stat.gov.kz/faces/homePage/homeDinamika.pokazateli> (дата обращения: 26.06.2017).
17. Ratel.kz : [аналит. интернет-портал]. URL: <http://www.ratel.kz> (дата обращения: 20.09.2017).
18. Нукетаева Д. Политика и равенство. Гендерные отношения в Республике Казахстан // АиФ – Казахстан. 2014. № 50. С. 23–24.
19. Альжанова Н. Ш. Прекаризация занятости населения современных моногородов Республики Казахстан // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1 (195). С. 58–69.

Образец для цитирования:

Мраморнова О. В., Иванова Н. А., Абуова Ж. У. Возникновение и развитие прекариата в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительный анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 259–266. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-259-266

The Genesis and Development of the Precariat in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: Comparative Analysis

O. V. Mramornova, N. A. Ivanova, Zh. U. Abuova

Olga V. Mramornova, ORCID 0000-0001-7748-7724, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77, Politechnicheskaya Str., Saratov, 410054, Russia, o.mramornova@yandex.ru

Natalia A. Ivanova, ORCID 0000-0002-3805-4448, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77, Politechnicheskaya Str., Saratov, 410054, Russia, nata_naiv@mail.ru

Zhemis U. Abuova, ORCID 0000-0003-1603-112X, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77, Politechnicheskaya Str., Saratov, 410054, Russia, o.mramornova@yandex.ru

Introduction. Contemporary processes of formation of the information society, emerging of new technological structures and digital revolution radically change the character and institutional structure of labor relations that occurred in industrial age. New unusual forms of employment appear. They are still poorly included in the field of institutional regulation. These processes are especially acute in the former Soviet republics. The transition to market relations in these new countries led to the development of precarization processes.

Theoretical analysis. In this article the analysis of the theoretical approaches to the definition of the concepts "precariat", "precarization" carried out by Russian and foreign economists and sociologists is considered; the causes, criteria and structural elements of this phenomenon are determined. In the process of research there were studied scientific publications, Internet site materials and statistical organizations' data of the Russian Federation and Kazakhstan, which characterize the processes of social precarization in both states. A sociological survey involving 420 respondents in both countries was conducted. **Empirical analysis.** The analysis of the scientific literature, statistical data and the results of the conducted sociological research show the existence of precarization processes both in the Russian Federation and Kazakhstan, however, there are certain differences. **Results of study.** A comparative analysis of the processes of social precarization in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan has revealed the objective causes and forms of its manifestation in these states, conditioned by the culturological features of the two countries. It is revealed that the intensity of precarization is somewhat lower in the RK than in the Russian Federation. The share of workers whose working conditions do not correspond to sanitary and hygienic standards is lower, informal employment tends to decrease. The survey of workers in the RK did not reveal facts of informal wages ("in envelopes").

Key words: precariat, precarization, social instability, globalization, informal employment.

References

1. Standing G. T *Prekariat: novyi opasnyi klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow, 2014. 327 p. (in Russian).
2. Fedorova A. E., Katashinskikh V. S., Dvorzhakova Z. Precarization of labor relations as a factor of social pollution. *Ekonomika regiona* [Economy of the region], 2016, vol. 12, iss. 3, pp. 802–814 (in Russian).
3. Toschenko Zh. T. Precariat – a new phenomenon in the labor market. In: *Yadovskiy chteniya: perspektivy sotsiologii* [Yadov's readings: The perspectives of sociology. Proceedings of the scientific conference (St. Petersburg, 14–16 December 2015). Ed. by O. B. Bozhkov, S. S. Yaroshenko, V. Yu. Bocharov]. St. Petersburg, 2016, pp. 182–191 (in Russian).
4. Bobkov V. N., Kvachev V. G., Loktyukhina N. V. Unstable employment: the economic and sociological genesis of the concept. *Vestnik VGU. Ser. Ekonomika i upravlenie* [Proceedings of Voronezh State University. Ser. Economics and Management], 2016, no. 4, pp. 81–86 (in Russian).
5. Kolosova R. P., Razumova T. O. Unstable employment: introduction to analysis. In: *Alternativy ekonomicheskoy politiki v usloviyakh zamedleniya ekonomicheskogo rosta* [Alternatives of economic policy in the circumstances of deceleration of economic rise: collected of articles. Ed. by A. A. Auzan, V. V. Gerasimenko]. Moscow, 2015, pp. 559–569 (in Russian).
6. Shkaratan O. I., Karacharovskiy V. V., Gasyukova E. N. The Precariat: theory and empirical analysis (on the materials of surveys in Russia, 1994–2013). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2015, no. 12 (380), pp. 99–110 (in Russian).
7. Maslova E. V. The precariat as a manifestation of precarious employment and its features (on the example of the Voronezh region). *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Ekonomika* [Herald of Omsk University. Ser. Economics], 2016, no. 3, pp. 201–208 (in Russian).
8. Richcheri M. Social Precarity and Sustainable Growth: Reflections on Dangerous Contradictions. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards of the population of Russian regions], 2015, no. 1 (195), pp. 3–37 (in English).
9. Ferreri M., Dawson G., Vasudevan A. Living precariously: property guardianship and the flexible city. *Transactions of Institute of British Geographers*, June 2017, vol. 42, iss. 2, pp. 246–259.
10. Alonso L. E., Rodrigues C. J. An Introduction to the Special Issue. Politics of Precarity: Migrant Conditions, Struggles and Experiences. *Empiria*, May–August 2017, iss. 37, pp. 155–178.
11. Zimina T. Ownership of workers and structural transformation. *Economist*, 2016, no. 5, pp. 83–87 (in Russian).
12. Eurostat. Site. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=tps00159&language=en> (accessed 20 October 2017).
13. *Federal'niya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* (Federal State Statistics Service. Site). Available at: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/rab_sila16.pdf (accessed 10 September 2017) (in Russian).
14. *Ministerstvo zaniatosti, truda i migratsii Saratovskoy oblasti* (Ministry of Employment, Labor and Migration of the Saratov Region. Site). Available at: <https://www.>

- mintrud.saratov.gov.ru/analytical/employment/index.php?SECTION_ID=95 (accessed 25 September 2017) (in Russian).
15. *Rossiya v tsifrakh. 2017 / Rosstat* [Russia in figures. 2017: a short statistical compendium / Rosstat]. Moscow, 2017. 512 p. (in Russian).
16. *Komitet po statistike Ministerstva natsional'noy ekonomiki Respubliki Kazakhstan* (Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan). Available at: <https://www.stat.gov.kz/faces/homePage/homeDinamika.pokazateli> (accessed 26 June 2017) (in Russian).
17. *Ratel.kz* (Ratel.kz. Analytical Internet portal). Available at: <https://www.ratel.kz> (accessed 20 September 2017) (in Russian).
18. Nuketayeva D. Politics and equality. Gender relations in the Republic of Kazakhstan. *Argumenty i Fakty – Kazakhstan* [Arguments and Facts – Kazakhstan], 2014, no. 50, pp. 23–24 (in Russian).
19. Al'zhanova N. Sh. Precarization of employment of modern monocities of the Republic of Kazakhstan. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards of the population of Russian regions], 2015, no. 1 (195), pp. 58–69 (in Russian).

Cite this article as:

Mramornova O. V., Ivanova N. A., Abuova Zh. U. The Genesis and Development of the Precariat in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: Comparative Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 259–266 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-259-266
